

А.С. 1915

ОТЕЧЕСТВО

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЛѢТОПИСЬ

№

петроградъ.

1

3 ЦѢНА 15 КОП.

НА СТАНЦІЯХЪ Ж. Д. 20 КОП.

ПРОКОПІЙ ПРАВЕДНЫЙ.

Николаю Константиновичу Рериху.

— Тучи, сестрицы, куда вы плывете?

Отвѣчали тучи:

— Мы плывемъ дружиной, милый братецъ, бѣлыя—на Бѣлое море во святой Соловецъ островъ, синія—на западъ ко святой Софѣѣ Премудрости Божьей.

На Соколей горѣ на бугринѣ сидѣлъ Прокопій блаженный, благословлялъ на тихую поплынь воздушныхъ сестеръ.

Унывали синія сумерки, синія...—тамъ за лѣсомъ ужъ осень катила золотымъ кольцомъ по опутинамъ—синія вечернія, разстились онѣ по приволью—зеленымъ лугамъ.

*

Онъ пришелъ въ дальній Гледень отъ святой Софеи отъ старца Варлаама съ Хутины...

Былъ онъ богатый и за его казну шла ему слава. Роздалъ онъ свое богатство и была ему честь за его милость. И стало ему стыдно передъ всѣмъ міромъ: вотъ онъ хороший и добрый и всѣ его хвалятъ. И развѣ не тяжело совѣстному сердцу ходить среди грѣшнаго міра въ бѣлой и чистой славѣ! И тогда онъ взялъ на себя великій подвигъ Христа ради и принялъ всю горечь міра. Слышалъ и не откликнулся на добрый зовъ... онъ какъ свой, среди отверженныхъ и, какъ братъ, среди пропащихъ. И со блазились о немъ люди.

Онъ пришелъ въ суровый дальній Гледень отъ святой Софеи.

(Перепечатка воспрещается).

ПРОКОПІЙ ПРАВЕДНЫЙ.

Н. К. Рерихъ.

«Бродяга, похѣбъ безумный!»—такъ его привѣчали.

Оборванный и холодный въ злую стужу постучался онъ въ сторожку къ нищимъ и нищие его прогнали. Думалъ согрѣться собачьимъ тепломъ, полѣзъ въ конурку. Съ воемъ выскочила собака—зря потревожилъ Шавку!—и убѣжала. Окоченѣлый

попелся онъ на холодную паперть. Кто его, безпріютнаго, приметъ, послѣдняго человѣка? Не Она ли, честиѣйшая, не пожелавшая въ раю быть . . . . . не Она ли, пречистая, пожелавшая вольно мучиться съ грѣшными, великая совѣсть міра, Матерь Свѣта? И вотъ ровно тепломъ повѣяло...

И съ той поры домъ его—папертный уголь въ домѣ Пресвятой Богородицы.

Шла гроза на русскую землю. Никто ее не ждалъ и жили безпечно. Онъ одинъ ее чуялъ, принявшій всю горечь міра, съ плачемъ ходилъ онъ по городу, умолялъ перестать отъ худыхъ дѣлъ, раскрыть сердце другъ для друга.

За суетой его никто не слушалъ, били его и ругали. И вотъ показалось: раскаленные красные камни плыли по черному небу, и было какъ ночью въ пожаръ, и былъ стукъ въ небесахъ, нельзя было словъ слышать. Ошалѣлые метались люди. А онъ бился о камни, кричалъ черезъ громъ, не погубить просилъ, пощадить

плынь народу и землѣ. И гроза мимо прошла. Тамъ разразилась, тамъ, за лѣсомъ и далеко засыпала камнемъ до Студенаго моря.

Онъ пришелъ въ суровый Гледень отъ святой Софеи и былъ ему кровомъ домъ Богородицы.

А когда настала послѣдній его часъ, лѣтнимъ вечеромъ шелъ онъ въ церковь къ Михайлѣ архангелу. Поджидала его смерть на мосту къ Михайлѣ архангелу.

«Милый братецъ, прощайся съ бѣлымъ свѣтомъ!»—и ударила его косою.

И онъ упалъ на мосту.

И вотъ тучи сестры принесли ему бѣлый покровъ. Въ лѣтней ночи закуделила метель. Высокій намело сугробъ. И лежалъ онъ подъ сугробомъ серебряную ночь.

*

Въ синемъ сумракѣ тихо члыли синія и бѣлыя тучи и, какъ тучи, плыли рѣки—синяя Сухона и бѣлая Двина.

Зацвѣтала рѣка цвѣтами— послѣдніе корабли уплывали: одни въ Бѣлое море насвятой Соловецъ островъ, другіе ко святой Софѣѣ—Премудрости Божьей.

На Соколей горѣ на бугринѣ сидѣлъ Прокопій блаженный.

— Милый братецъ, помоли о насъ, даруй тихое плаваніе!

— Милый братецъ, благослови русскій народъ—мудростью святой Софеи, совѣстью Пречистой, духомъ Михайлы архангела!

Алексѣй Ремизовъ.